

ПРАВДА. - 1990. - 11 сент. - С. 3

ПЕВЕЦ СВОБОДЫ

К 125-летию со дня рождения Яниса Райниса

Большим поэтам и прозаикам так называемых малочисленных народов судьба уготовила особую миссию — для них занятие литературным творчеством никогда не является лишь способом самовыражения. Они живут и творят, думая о народе и помогая народу в его судьбоносный час, стремясь выразить чаяния своих соотечественников, их волю. Такую миссию добровольно нес и Янис Райнис.

ОН БЫЛ и юристом, и публицистом, и журналистом (несколько лет редактировал газету «Диенас лапа») ... Свою деятельность писатель посвятил двум мощным идеям — социализму и сохранению национального своеобразия латышей.

Идея социализма захватила Райниса еще в 90-е годы XIX века, когда она была довольно отвлеченной, расплывчатой, аморфной и ассоциировалась в первую очередь с равенством людей. Он остался ей верен на всю жизнь.

Сохранение национального лица для латышей в последние сто с лишним лет стало вопросом жизни или смерти. Как, исходя из своеобразия и только для Латвии характерной географической и исторической ситуации, сохранить себя как народ и не исчезнуть с лица земли, не превратиться в историческое понятие подобно нашим соседям пруссам? Защита национальных интересов для Райниса стала святой идеей жизни и творчества.

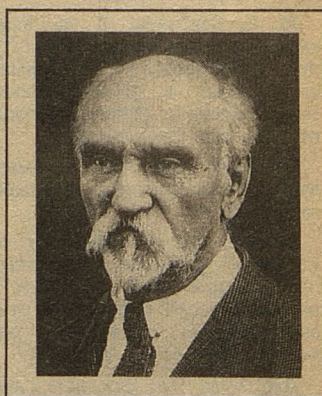
Начиная с первых лет XX века в общественной деятельности, а главное, в творчестве Райниса эти две идеи — социализм и национальное освобождение — слились воедино. И так продолжалось до конца его дней. При этом главной трибуной Райниса всегда были его стихи и драмы.

Борьба за право на националь-

ное самоопределение для Райниса была не абстрактным понятием. Он стал одним из отцов идеи национального государства, выдвинутой им (правда, в качестве отвлеченной идеи) в 1905 году в пьесе «Огонь и ночь». Райнис мечтал о «счастливой и свободной Латвии».

И вот наступило время в жизни народа Латвии, когда идея о самостоятельном государстве стала насущной. Это были годы первой мировой войны, столкнувшей двух гигантов — кайзеровскую Германию и царскую Россию. А под ногами у них «пугалась» Латвия — маленький край, бывший тогда частью России. В ходе войны Латвия превратилась в поле битвы. Западную область — Курземе — оккупировали немецкие войска, к востоку от Даугавы находились части русской армии. Многие латышские крестьяне покинули свои дома и стали беженцами. Райнис, живя на чужбине, с болью в сердце думал о том, что его народ может погибнуть.

Что могло спасти латышей? Райнис считал: только два фактора — сознание единства, национальной сплоченности и самостоятельная государственность. В поэтической форме он высказал эту мысль в стихотворении с многозначным названием «Страна и государство», в котором воплотился его главный тезис: страна и есть государ-

ство. Позже это стихотворение станет составной частью драматической поэмы «Даугава». В ней сформулирована идея полной государственной независимости.

Райнис понимал, что Латвия не может быть государством без еще одного условия. Поэтому в той же драматической поэме подчеркнул мысль о свободной Латвии («в общине свободных народов»). Он стоял за свободную, независимую Латвию, за самостоятельное государство, равное и равноправное с другими государствами.

После возвращения весной 1920 года на родину, в независимую Латвию (что было воплощением его когда-то отвлеченной идеи), Райнис занимает ведущие посты в новом государстве. С 1921 по 1925 год он — директор Национального театра, затем — приблизительно год — министр образования...

Именно этот последний этап в жизни Райниса и приверженность его идее национальной независимости желали вовсе «не замечать» официальные идеоло-

ги периода стагнации, чем создавали для райнисоведения почти неразрешимые проблемы. Не формулируя это в словах, законодатели идеологического тона ставили писателю в упрек две вещи. Во-первых, как он осмелился настаивать на самостоятельности латвийского государства, основанного 18 ноября 1918 года, и радоваться осуществлению права национального государственного самоопределения? Во-вторых, как он посмел в независимой Латвии отстаивать идеалы социал-демократической партии? Не забудем: многие годы на социал-демократов было принято смотреть как на врагов народа.

Стоит ли после сказанного удивляться, что даже в год столетнего юбилея Яниса Райниса не вышло академическое собрание его сочинений (тогдашний идеологический руководитель республики считал нежелательным, чтобы наследие Райниса в полном объеме дошло до читателей. Например, драматическую поэму «Даугава» нельзя было не только публиковать, но и упоминать в исследованиях. Та же судьба постигла и драму «Рижская ведьма»). Словом, к тогдашнему юбилею вышло лишь «Избранное»...

Зато сегодня, пусть и с явным опозданием, мы вернули долг великому сыну нашего народа. В 1986 году вышел академический 30-томник, подготовленный Институтом языка и литературы Академии наук Латвийской ССР. А в нынешнем году к нему присоединился и четырехтомник пьес, переведенных на русский язык самим Райнисом. Словом, теперь все его творчество доступно латышам.

Но, на мой взгляд, сегодня

уже и этого недостаточно. Янис Райнис должен глубже войти в сознание своего народа и появиться, наконец, в должном объеме на литературном горизонте других стран.

Будем самокритичны: многие годы в творчестве Райниса мы подчеркивали только некоторые аспекты, показывали его как революционера, борца (он им был, это правда), но меньше думали о нем как о мыслителе, философе, чрезвычайно восприимчивом и противоречивом человеке. К тому же даже у себя в республике мы пока не сумели добиться, чтобы молодежь со школьной скамьи полюбила Райниса. А ведь он — одна из главных опор нашей духовности. В творчестве Райниса есть все — и песни, зовущие к борьбе («Посев бури»), и философская поэзия («Конец и начало»), и чудесная неподражаемая любовная лирика (цикл «Пять эскизных тетрадей Дагди»).

Существует и другая проблема, связанная с так называемым языковым барьером. Я могу назвать ряд произведений Райниса, но кто мне поверит, что это по-настоящему великая литература? Нужны хорошие переводы. Их все еще очень мало. И надо признать, что переводить Райниса чрезвычайно трудно — его язык и стиль тщательно отшлифованы, форма ярко национальна. Хотя философская трагедия «Иосиф и его братья» и переведена на русский, немецкий, английский и итальянский языки, этого явно недостаточно. Яниса Райниса давно пора поставить в один ряд с европейскими фигурами его масштаба. Он многое сделал, чтобы латышский народ приобщился к европейской культуре. Об этом говорят гениальные райнисовские переводы «Фауста» Гете и «Бориса Годунова» Пушкина. Но нужен и встречный путь приобщения Райниса к европейской культуре. Это задача завтрашнего дня.

Виктор ХАУСМАНИС.
Доктор
филологических наук.